

**ИСТОРИЯ ИДЕЙ
И СОВРЕМЕННОСТЬ**

**HISTORY
OF IDEAS
AND MODERNITY**

Научно-теоретическая статья

УДК 1(091)

DOI: 10.25688/2078-9238.2024.49.1.3

**ЗВЕЗДНОЕ НЕБО И МОРАЛЬНЫЙ ЗАКОН
ИММАНУИЛА КАНТА**

Мапельман В. М.

Московский городской педагогический университет,

Москва, Россия,

mapelmanvm@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8300-2065>

Аннотация. Статья посвящена исследованиям Иммануила Канта двух феноменов, которые на протяжении всей жизни вызывали у него неизменно живой интерес и самые позитивные чувства: звездное небо и моральный закон. В материале затрагиваются вопросы особенностей космогонической концепции философа, которая оказалась фактически первой в истории философии, где предлагался оригинальный вариант естественно-научного решения вопросов происхождения Вселенной и ее дальнейшего развития. Космогоническая гипотеза Канта для своего времени, несомненно, была революционной. Сформулированная и обоснованная в самом начале его научного и философского творчества, она никаких принципиальных изменений до конца его жизни не претерпела. Звездное небо впечатляло Канта своей согласованностью, порядком, жесткой стабильностью, строгой закономерностью, свидетельствующими, по его мнению, о «непосредственном божественном распорядке».

Таковыми же характеристиками обладала, по мнению Канта, и мораль. Разработав собственное видение взаимосвязи между разумом и практическим опытом, философ предложил свое этическое учение, объясняя, как разум воплощается в волю, способствующую формированию принципов морального поведения, которым должно следовать при выборе поступков.

Кант ставит рядом звездное небо и моральный закон, ибо, по его глубокому убеждению, и природные законы, и законы, определяющие поведение людей, воплощают

в себе высший общий порядок, гармонию и справедливость. Осознание этого факта производило на философа глубокое эмоциональное воздействие, вызывая удивление и благоговение.

Ключевые слова: Иммануил Кант, естествознание, космогония, этика, нравственность, мораль

Для цитирования: Мапельман В. М. Звездное небо и моральный закон Иммануила Канта // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2024. № 1 (49). С. 34–45. DOI: 10.25688/2078-9238.2024.49.1.3

Scientific and theoretical article

UDC 1(091)

DOI: 10.25688/2078-9238.2024.49.1.3

THE STARRY SKY AND MORAL LAW IMMANUEL KANT'S

Valentina M. Mapelman

Moscow City University,

Moscow, Russia,

mapelmanvm@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8300-2065>

Abstract. The article is devoted to Immanuel Kant's studies of two phenomena that throughout his life aroused his keen interest and the most positive feelings: «starry sky» and «moral law». The material touches upon the peculiarities of the philosopher's cosmogonic concept, which turned out to be actually the first in the history of philosophy to propose an original version of a natural scientific solution to the questions of the origin of the Universe and its further development. Kant's cosmogonic hypothesis was undoubtedly revolutionary for its time. Formulated and substantiated at the very beginning of his scientific and philosophical work, it did not undergo any fundamental changes until the end of his life. The starry sky impressed Kant with its consistency, order, rigid stability, strict regularity, testifying, in his opinion, to «immediate divine order».

In Kant's opinion, morality had the same characteristics. Having developed his own vision of the relationship between reason and practical experience, the philosopher proposed his ethical teaching, explaining how reason is embodied in will, which contributes to the formation of principles of moral behavior that must be followed when choosing actions.

Kant puts the starry sky and the moral law on a par, because, according to his deep conviction, both natural laws and the laws that determine human behavior embody the highest general order, harmony and justice. The realization of this fact has a deep emotional effect on the philosopher, causing surprise and awe.

Keywords: Immanuel Kant, natural science, cosmogony, ethics, morality

For citation: Mapelman, V. M. (2024). The starry sky and moral law Immanuel Kant's. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1 (49), 34–45. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2024.49.1.3>

Введение

В апреле 2024 года исполняется 300 лет со дня рождения Иммануила Канта, уникального философа, незаурядного человека, оригинального мыслителя, ученого широчайшего диапазона и эрудиции. Ссылки на его труды, опора на его авторитет, солидарность с высказанными им идеями стали в определенном смысле общим местом в научных и философских, публицистических и популярных работах. Оправданная жизненность многих сформулированных и обоснованных им философских идей прошла проверку временем.

В 2004 году кафедра истории зарубежной философии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова организовала проведение серии интервью с авторитетными специалистами по истории философии (26 отечественных и 78 зарубежных участников) [100 этюдов ..., 2005]. Эта акция была приурочена к 280-летию со дня рождения и 200-летию со дня смерти Иммануила Канта. Каждый высказал свое мнение по трем вопросам: *Какие идеи Канта имеют всеобщее, непреходящее значение? В чем состояла главная ошибка Канта? Лучшие ли мы понимаем Канта, чем понимали его сто лет назад?* [100 этюдов..., 2005]. И если в ответах на первый вопрос многие касаются как его естественно-научной позиции, так и этического учения (правда, автономно друг от друга), то в ответах на второй и третий вопросы оба эти аспекта затрагиваются лишь вскользь. При этом общеизвестно собственное, многократно цитируемое мнение философа, высказанное им в 1788 году: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, — это *звездное небо надо мной и моральный закон во мне*. И то и другое мне нет надобности искать...; я вижу их перед собой и непосредственно связываю их с сознанием своего существования» [Кант, 1965, т. 4, ч. 1, с. 499].

Прошло еще два десятилетия. Мы продолжаем жить в мире, где конфликтность и иные виды социального и нравственного диссонанса не только не исчезают, не ослабевают, но даже усугубляются. Потребность людей в порядке и «благоговении» по отношению к чему-либо становится еще более насущной, что не может не способствовать активизации внимания к идеям Канта, в том числе и морального характера.

При всей эмоциональной привлекательности приведенного кантовского изречения возникает вопрос: а то ли имел в виду в XVIII веке великий немецкий философ, что мы сегодня в XXI веке?

Результаты исследования

Кенигсберг, город в котором родился и прожил всю свою жизнь Кант, находился в его время на территории Прусского королевства, входившего

в конфедерацию независимых германских государств («вольных» городов, королевств, курфюршества, княжеств, графств), не имевшую единой столицы, общего управления и испытывавшую серьезные проблемы в связи с внутренними религиозными и культурными расколами. В обладании им были заинтересованы все соседние страны, в связи с чем Кенигсберг неоднократно менял свою государственную принадлежность. Эти обстоятельства способствовали формированию той питательной сепаратистской консервативной атмосферы, в которой и протекало воспитание, образование, жизнь и деятельность Иммануила Канта.

При всей размеренности, скромности и упорядоченности его жизни можно выделить четыре обстоятельства (события), которые дали ему материалы для глубоких длительных свободных и даже дерзких размышлений, серьезно отразившись на его творчестве. Первое — это сорокалетняя преподавательская деятельность. Уже начальные девять лет работы домашним учителем (уважаемое занятие в Германии тех лет) предоставили Канту не только кров и средства к существованию, но и авторитетное покровительство, престижный и высококультурный круг общения, время для самосовершенствования и занятий наукой. С 1770 года его преподавательская карьера уже была тесно связана с Кенигсбергским университетом. Разработка и реализация в педагогической деятельности большого количества чрезвычайно разнообразных учебных курсов не могли не отразиться на его философском творчестве.

Второе обстоятельство — знакомство с идеями французских просветителей, и прежде всего с работами Ж.-Ж. Руссо. В них Кант нашел оригинальные убедительные для него доводы, касающиеся целого ряда волновавших его вопросов, таких, например, как особое положение человека в мире, роль разума в его жизни, важность обладания им чувствами собственного достоинства, самоуважения и свободы, неоднозначность взаимоотношений личной нравственной позиции и общественной морали, влияние их на образование.

Третье событие — это происшедшая в 1789 году Великая французская революция, к которой немецкий философ относился на протяжении всей своей жизни с большой симпатией (хотя открыто это не афишировал). По мнению Канта, она предоставила человечеству возможность для освобождения общества от косных пережитков исчерпавшего себя социального устройства, выработки новых справедливых идеалов и закрепления их в праве.

Четвертое обстоятельство. Кант сделал вопросы религии, в том числе и существование Бога, предметом серьезного философского анализа, чем в итоге спровоцировал собственный открытый конфликт с прусским правительством. При этом важно помнить, что все разновидности духовной жизни в Германии в кантовские времена, в том числе и философия, находились под строгим богословским контролем (от него постепенно начали освобождаться лишь немецкое искусство и литература). Попытка охарактеризовать религию в духе деизма (работа «Религия в пределах только разума», 1793) вызвала такое резкое неприятие со стороны протестантской церкви и власти (пруссский король

выпустил именной указ по этому поводу), что Канту пришлось дать письменное обещание впредь ни устно, ни письменно не высказываться публично по религиозным вопросам.

Бесспорно, что Иммануил Кант изначально обладал философским складом ума, что не сразу было осознано даже им самим. Он всегда стремился понять окружающий мир во всей его полноте и разнообразии. Его первые шаги на этом пути логичны не только для его времени, но и для очень многих людей в наши дни: хочешь понять мир, в котором существуешь, и свое место в нем — постигни естественную среду собственного обитания (природу). Однако для решения этого вопроса необходимо было привлечь максимально обширный и разнообразный, прежде всего естественно-научный теоретический материал. Кантом были накоплены, проанализированы, аргументированно обоснованы и реализованы в процессе преподавания обширные знания по астрономии, физической географии (к ней он отнесся с особым тщанием), геологии, физике, математике, механике, медицине (позднее к ним добавились логика, метафизика, этика, философия).

Его первые исследовательские работы были посвящены природным явлениям и процессам, при этом все они сопровождались философскими выводами и обобщениями, что, по сути, делало их трудами по философии природы. Почти семь лет ушло у Канта на написание и издание своей первой работы «Мысли об истинной оценке живых сил» (увидела свет в 1749 году). В 1754 году он предпринимает попытку описать перспективы развития нашей планеты, ведь если Земля — это обычное физическое тело, то, значит, она когда-то сформировалась как планета и, несомненно, рано или поздно должна исчерпать свои возможности, состариться и погибнуть (статья «Вопрос о том, стареет ли Земля с физической точки зрения»).

В 1755 году Кант пишет три диссертационные работы: «Краткий очерк некоторых размышлений об огне», «О принципах метафизического познания» и «О физической монадологии», — защита которых давала право на получение профессорской должности в университете (несмотря на положительные отзывы о работах, Кант получил лишь должность приват-доцента). В том же году выходит его серьезный космогонический труд «Всеобщая естественная история и теория неба, или Попытка истолковать строение и механистическое происхождение всего мироздания, исходя из принципов Ньютона».

Опираясь на данные естествознания своего времени, он не ограничился знакомством с уже сложившимися точками зрения на мироздание таких авторитетных представителей науки XVII – первой половины XVIII века, как Р. Декарт, Г. В. Лейбниц, Х. Вольф, члены семьи швейцарских ученых Бернулли, но и позволил себе сомневаться в ряде их выводов. Так, для Декарта и Лейбница очевидна механическая природа сил, порождающих движение путем внешнего воздействия (толчка). Кант же допускает наличие и других, не только механических сил, действие которых провоцируется внутренними потенциями

динамично развивающихся объектов и явлений. И если концепции Декарта (теория вихрей) и Лейбница (учение об активных субстанциях, монадах) реализовывались в рамках космологии (решение вопросов структуры и свойств существующих космических явлений и процессов), то Кант сосредоточивается на космогонических вопросах (происхождение Вселенной и перспективы ее будущего развития), которые не заинтересовали его предшественников. Не вдохновили его ни концепция Декарта, которую критиковал еще Лейбниц, ни трактовка последним монад как «духовных атомов», а вот идеи Левкиппа, Демокрита, Эпикура и особенно Лукреция о первичной хаотичной бесформенной рассеянности элементарных природных составляющих мира явно вызвали у него серьезный интерес. Монады Канта это тоже материальные, физические частицы, обладающие присущими им внутренними способностями притяжения и отталкивания, которые при вечности своего существования все-таки были сотворены Богом и наделены вышеупомянутыми потенциальными свойствами. «...Материя, составляющая первичное вещество всех вещей, подчинена известным законам и, будучи предоставлена их свободному воздействию, необходимо должна давать прекрасные сочетания. Она не может уклониться от этого стремления к совершенству. Поскольку, следовательно, она подчинена некоему мудрому замыслу, она необходимо была поставлена в такие благоприятные условия некоей господствующей над ней первопричиной. Этой причиной должен быть бог уже по одному тому, что *природа даже в состоянии хаоса может действовать только правильно и слажено*» [Кант, 1963, с. 124].

И, конечно же, необходимо помнить об Исааке Ньютоне, влияние научной позиции которого на Канта было несомненным, а авторитет его заключений бесспорным. Открытый им закон всемирного тяготения и построенная на его основе механистическая картина мира позволили Канту предложить свою версию научного решения проблем происхождения и дальнейшего развития Солнечной системы и ее отдельных составляющих, сосредоточив и ограничив проявление Божьей воли творением первоначальных материальных элементов.

Кант фактически первым осуществил попытку естественно-научного объяснения происхождения нашей планетной системы, ее составляющих и аномалий, правда в гипотетической форме. Происхождение мироздания, его организация и устройство истолковывались механически, в соответствии с ньютоновскими принципами. По мнению Канта, все планеты и Солнце сформировались из туманности, гигантского газопылевого облака, состоящего из хаотично существующих сотворенных Богом частиц, благодаря внутренним стимулам. Эти же принципы должны были реализовываться самым непосредственным образом и в отношении всех аналогичных образований Вселенной. По глубокому убеждению автора, его гипотеза «одновременно объясняет и происхождение масс, и происхождение движений, и положение орбит, и при том так, что даже малейшее отклонение в этих процессах, равно как и полное совпадение в них, выявляется сразу» [Кант, 1963, с. 161].

С помощью этой вполне логично представленной гипотезы он реализовал свое намерение «показать, что за вещами природы следует признать бóльшую возможность порождать свои следствия по всеобщим законам, чем это обычно делается» [Кант, 1963, с. 452].

Современники Канта И. Г. Ламберт (был знаком с идеями Канта и состоял с ним в переписке) и П.-С. Лаплас (независимо от Канта) шли примерно тем же путем в отношении объяснения космогонических вопросов и хотя сделали свои оригинальные выводы уже много позже Канта, но опубликовали их раньше него. В настоящее время небулярная (от *лат.* *nebula* — туман, облако) гипотеза Канта – Лапласа представляет в основном исторический интерес.

Таким образом, в своей космогонической концепции Кант изначально установил определенную границу дозволенного — это появление природных монад. Что и почему происходит до этого — заповедно, тем более что постигнуть данный процесс, руководствуясь механистическими принципами, вообще не представлялось возможным. После же появления монад развитие происходит в соответствии с естественными законами. Были у Канта и иные обстоятельства для выработки подобной позиции, обусловленные уровнем научных достижений того исторического периода, ведь многие важные для его исследований явления будут открыты и изучены физикой, астрономией, геологией, химией лишь в современных условиях.

Возможно, поэтому в гипотезе Канта достаточно много допущений, ассоциаций, выводов по аналогии и даже фантазий, например его рассуждения о существовании на других планетных образованиях обитателей, которые должны быть более совершенными, чем люди.

Можно сказать, что Канту удалось создать особую версию креационизма, когда Бог лишь творит бесчисленное число простейших элементов, которые затем развиваются в соответствии со своими внутренними законами, провоцируя процессы формирования и разрушения, усложнения и упрощения, возникновения и исчезновения. Итак, у природного мира есть начало, но усилиями Канта у него появилась вечная и бесконечная история в будущее. При этом нельзя не отметить, что космогония и космология немецкого мыслителя пропитаны энергичными личностными религиозными чувствами.

Итак, духовное и материальное благодаря своему происхождению находятся в тесной взаимосвязи (в частности, со старением тела и дух утрачивает свои способности и силы). Кроме того, на данные процессы оказывает влияние положение обитаемых планет: «Совершенство мыслящих существ, <...> вся совокупность их достоинств подчинена определенному закону, по которому они становятся тем прекраснее и совершеннее, чем дальше от Солнца находится небесное тело, на котором они обитают» [Кант, 1963, с. 252]. Чем ближе к нему, тем «грубее» их тела и души, а чем дальше, тем они «тоньше» (менее подвержены заблуждениям и греху).

Для своего времени космогоническая гипотеза кенигсбергского мыслителя была, несомненно, революционной. Однако необходимо заметить, что автор,

сформулировав и обосновав ее в самом начале своего научного и философского творчества, принципиально ничего не изменил в ней до конца жизни.

Так чем же так неизменно поражало Канта звездное небо над ним? Думаю, что не ошибусь, если скажу, что впечатляли его царившие там согласованность, порядок, жесткая стабильность, строгая закономерность, несомненность, свидетельствующие о «непосредственном божественном распорядке». При этом автор замечает: «Действительно, когда дух исполнен размышлений, подобных настоящим..., тогда вид звездного неба в ясную ночь доставляет такое удовольствие, которое испытывает только благородная душа» [Кант, 1963, с. 261]. Таким образом, основательная онтологическая база и космогоническая гипотеза стали для Канта реальной опорой для его исследований в области практического разума. Для него «*практический разум, говоря коротко, — мир нравственности, права, человеческого общения*» [Мотрошилова, 1991, с. 440].

Кант в ходе своих доскональных и основательных исследований приходит к выводу, что разум, конечно, играет принципиальную роль в жизни человека, но только в практической сфере можно убедиться в том, на что он способен повлиять, реализовав свои конструктивные потенции. Лишь практическая деятельность позволяет определить добрый или злой результат оказался достигнутым при реализации разумных рекомендаций.

Кант приступает к теоретическому анализу нравственности. При этом понятия «нравственность», «мораль» и «этика» он почти не различает. В своих работах он заявляет: «Я объявил мораль наукой, которая учит, как мы должны стать достойными счастья, а не как мы должны стать счастливыми» [Кант, 1965, т. 4, ч. 1, с. 65]; «В чем собственно заключается *чистая* нравственность, на которой... надо испытывать моральную ценность... Это словно как различие между правой и левой рукой» [Кант, 1965, т. 4, ч. 1, с. 492]; «...Этика есть *учение о добродетели*» [Кант, 1965, т. 4, ч. 2, с. 314].

По мнению Канта, человек есть сосредоточие двух миров: как существо чувствующее, он пребывает в мире феноменов (вещей для нас), а как существо разумное, — в мире ноуменов (вещей в себе). Первый мир — эмпирический, обусловленный необходимыми законами, эгоистический. Второй мир — свободный, независимый от восприятия людей, не доступный их познанию. Кант, с одной стороны, считает, что человек сам способен выбрать, чему он готов подчиниться: эмпирическим стремлениям или разумным велениям. Однако, с другой стороны, он уверен, что для каждого обязательными должны быть императивы практического разума. Чтобы реализовать и то и другое, человек должен быть наделен свободой воли и способностью подчиняться требованиям нравственного закона, укрепленными верой в Бога и в бессмертие души.

Свобода дана человеку. Однако «...Свобода действительна, так как эта идея проявляется через моральный закон... Но свобода... есть условие морального закона» [Кант, 1965, т. 4, ч. 1, с. 314]. Что же все-таки представляет собой свобода у Канта? В его практической философии это такие действия, которые осуществляются не по принуждению чувственных склонностей, а по доброй

воле. Она проявляется в трех видах: свобода целеполагания (ход мысли и влияние совести, неподвластные праву), практическая свобода (мотивация поступков, которая правом регулируется) и произвол (поведение без правил, фактическая несвобода). Практическая свобода или мораль у Канта не просто всеобща, но она еще и выступает условием автономности субъекта (способности к самоопределению, предписанию правил самому себе), его способности следовать собственным представлениям о моральных нормах, даже если они противоречат природным обстоятельствам или социальным установлениям.

Происходит это в силу следования долгу. «Долг это поступок, который кто-то обязан совершить; следовательно, долг — это материя обязательности, и долг (в соответствии с поступком) может быть одним и тем же, хотя бы нас и могли обязать к нему различным образом» [Кант, 1965, т. 4, ч. 2, с. 130–131]. Таким образом, долг — это свойство человеческого разума, представляющее собой принуждение к следованию нравственному закону. Если это совершается в силу расположенности к чему-либо, то такое поведение, по мнению Канта, нельзя квалифицировать как нравственное. Осознание должной необходимости выполнения долга насыщает человека чувством достоинства. Не само счастливое самочувствие и стремление к нему, а следование долгу делает жизнь человека достойной.

Особое место, не просто заметное, но принципиальное во всем творчестве Канта занимает нравственный закон. Он для него очевиден, аксиоматичен, безусловен и общезначим. Он способен определять поведение любого человека, руководствующегося чувством долга, в любых обстоятельствах. Для характеристики нравственного закона Кант пользуется не просто термином «императив» (от *лат.* *imperative* — повелительный), а императив категорический (безусловный). Он отличается от императива гипотетического, тоже строго исполняемого, но при наличии конкретных условий. Такие внешне мотивированные поступки философ называл легальными.

Кант предлагает две формулировки категорического императива. Первая звучит так: «...*поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом*» [Кант, 1965, т. 4, ч. 1, с. 260]. То есть каждый человек должен вести себя так, чтобы его поступки все остальные люди одобрили и готовы были повторить. Вторая формулировка звучит следующим образом: «...*поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству*» [Кант, 1965, т. 4, ч. 1, с. 270]. То есть каждый человек представляет собой ценность, обладает достоинством и не допускает их ущемления другими людьми, как в отношении себя, так и в отношении всех остальных.

Обе эти кантовские формулировки, несомненно, напоминают о золотом правиле нравственности: «Не делай другим того, чего не хочешь себе» — одной из древнейших моральных заповедей, включенной в значительное число религиозных текстов, правовых документов, запечатленной в пословицах,

поговорках, трудах многих мыслителей. Однако кантовский категорический императив полностью сконцентрирован на благе и духовном достоинстве людей. Он не имеет даже отдаленного намека на возможную пользу или выгоду.

Таким образом, у Канта мораль сама по себе ничему не служит, но служение самому моральному долгу делает человека свободным и наделяет его достоинством. При этом оценке подлежат не результаты поведения, а намерения, мотивы и предлагаемые средства для их осуществления. Лишь те поступки могут считаться нравственными, свершение которых осуществлялось в соответствии с должными моральными намерениями. Эта идея и сегодня является чрезвычайно привлекательной для очень многих людей.

Абсолютность моральных норм, по мнению Канта, является свидетельством их сверхъестественности. Мораль Иммануила Канта практически никак не связана с сущим, ее невозможно вывести ни из чего, она априорна и автономна (отграничена от любого, в том числе и религиозного, авторитета). Мораль стоит над миром, и потому ее всеобщий вечный моральный закон способен сделать человека как абсолютно свободным, так и абсолютно безответственным: «...Разумное существо может с полным основанием сказать о каждом своем нарушающем закон поступке, что оно могло бы не совершать его» [Кант, 1965, т. 4, ч. 1, с. 427].

Мораль задает идеальные образцы (идеалы разума) и выступает ориентиром для права. «...Право — это совокупность условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы» [Кант, 1965, т. 4, ч. 2, с. 139]. Право Канта сосредоточено на системе законов, облагороженных ценностями. Таким образом, субъективная свобода (мораль) сочетается со свободой объективной (право); представления о свободном человеке (мораль) — с реализацией каждого человека как свободной личности (право).

Так почему же моральный закон для Канта так важен? А потому, что «есть что-то необычное в безграничной высокой оценке чистого, свободного от всякой выгоды морального закона... (ведь никакой другой закон не устраняет все склонности от непосредственного влияния их на волю)» [Кант, 1965, т. 4, ч. 1, с. 405–406]. Если каждый разумный человек не станет испытывать глубокую внутреннюю потребность (долг) в следовании нравственному закону, то тогда неизбежно он будешь вносить в этот мир безнравственность, нанося вред и себе, и человечеству. В связи с этим сложно не согласиться с В. Ф. Асмусом: «Поскольку кантовская этика хотела “спасти” для истории и для исторического действия возможность свободы, она сводила исторический — социальный — опыт к индивидуальному моральному опыту» [Асмус, 1973, с. 360]. Кант явно хотел адресовать свое этическое учение всему человечеству и сделать его жизнеспособным и продуктивным на все времена (как закон всемирного тяготения Ньютона для природных процессов).

Заключение

Иммануил Кант не случайно объединяет звездное небо и моральный закон, ибо, по его глубокому убеждению, и законы природы, и законы поведения не только воплощают в себе высший общий порядок, гармонию и справедливость, но и реализуют их. Осознание этого факта производит на философа нетривиальное эмоциональное воздействие: удивление и благоговение. Удивление (изумление) это ведь не просто эмоция, порождаемая неожиданностью. Это эмоция когнитивная по своей сути, т. е. связанная с мышлением и знанием (для Канта данное обстоятельство чрезвычайно важно), сопровождаемых целой палитрой оттенков необычностью, неожиданностью, непонятностью, странностью того, что происходит. Смысл же чувства благоговения соединяет в себе величайшее почтение и трепет, безусловное уважение и повиновение. Такая богатейшая гамма чувств и переживаний, которые продемонстрировал Кант своим творчеством, уже не одно столетие задает загадки философам.

Понимать этого выдающегося мыслителя всегда было непросто. Исследование его творчества непрерывно продолжалось и во время его жизни, и все три столетия после смерти. «Но накопление информации о Канте сопровождается... ухудшением условий для ее верной оценки... Движение истории — это утрата культурных контекстов, в которых существовали тексты прошлого, затирание и трансформация понятий» [100 этюдов..., 2005, с. 209]. А это значит, что ответ на вопрос «Лучше ли мы понимаем Канта, чем понимали его сто лет назад?» может быть и «Да», и «Нет».

Список источников

1. Асмус В. Ф. Иммануил Кант. М.: Наука, 1973. 534 с.
2. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 1. М.: Мысль, 1963. 543 с.
3. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 1. М.: Мысль, 1965. 544 с.
4. Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965. 478 с.
5. Мотрошилова Н. В. Рождение и развитие философских идей. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
6. 100 этюдов о Канте / общ. ред. В. В. Васильева. М.: КДУ, 2005. 272 с.

References

1. Asmus, V. F. (1973). *Immanuel Kant*. Moscow: Nauka. 534 p. (In Russian).
2. Kant, I. (1963). *Works in six volumes. Vol. 1*. Moscow: Mysl. 543 p. (In Russian).
3. Kant, I. (1965). *Works in six volumes. Vol. 4. Part 1*. Moscow: Mysl. 544 p. (In Russian).
4. Kant, I. (1965). *Works in six volumes. Vol. 4. Part 2*. Moscow: Mysl. 478 p. (In Russian).
5. Motroshilova, N. V. (1991). *The birth and development of philosophical ideas*. Moscow: Politizdat. 464 p. (In Russian).
6. Vasilyev, V. V. (General. ed.). (2005). *100 studies about Kant*. Moscow: KDU. 272 p. (In Russian).

Информация об авторе / Information about the author:

Мапельман Валентина Михайловна — доктор философских наук, профессор, профессор дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета, Москва, Россия.

Mapelman Valentina Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Directorate of Educational Programs, Moscow City University, Moscow, Russia.

mapelmanvm@mgpu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8300-2065>